
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Н.С. ТРУБЕЦКОГО В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСТВА

Е.И. Замараева

Всероссийская государственная налоговая академия Минфина России
4-й Веиняковский пр-д, 4, Москва, Россия, 109456

В статье рассматриваются социально-философские, историософские и социокультурные идеи известного русского ученого Н.С. Трубецкого, разработанные им в контексте евразийства — философского и общественно-политического движения первой волны русской эмиграции.

Ключевые слова: евразийство, географический детерминизм, цивилизация, многообразие культур.

Князь Николай Сергеевич Трубецкой, замечательный ученый-языковед, филолог и культуролог, был одним из основателей уникального философского и политического движения евразийства, возникшего в среде русской эмиграции в 20—30-х гг. прошлого века. У истоков евразийства стояла небольшая группа молодых русских интеллигентов, оказавшихся в эмиграции и испытавших все тяготы беженства.

Евразийство было попыткой осмысления всего того, что произошло с Россией и ее народом после 1917 г. Ощущая себя неотъемлемой частью русской истории и культуры и пытаясь осмыслить причины трагедии, евразийцы ставили вопросы, которые актуально звучат и сегодня.

К евразийскому направлению тогда относилась группа талантливых и самобытных личностей: лингвист и филолог Н.С. Трубецкой, географ и экономист П.Н. Савицкий, философ Л.П. Карсавин, историк Г.В. Вернадский, музыковед и искусствовед П.П. Сувчинский, религиозные философы и публицисты Г.В. Флоровский и В.Н. Ильин, литературоведы Д.П. Святополк-Мирский и А.В. Кожевников. Количество участников движения не было постоянным: кто-то отходил от движения, кто-то вливался в него.

В развитии евразийства можно условно выделить три периода.

Первый период — с 1921 по 1923 гг. — социально-политическое, географическое, историософское и культурологическое обоснование самобытного пути развития России.

Второй период — с 1924 по 1929 гг. — существенная идеологизация и практическая политизация движения, ориентирование его на «доступность» массам, интерес к тем процессам, которые идут в СССР. В этот период происходит раскол между Парижским и Пражским центрами евразийства, движение дискредитируется и в общественном мнении в среде эмигрантов, и среди самих участников движения. Из него выходят Г.В. Флоровский и П.М. Бицилли, которые первыми почувствовали откровенную идеологизацию и отход от первоначальных устремлений евразийства. После скандала с пробольшевистской газетой «Евразия»

в 1929 г. из евразийской организации официально выходит и Н.С. Трубецкой, хотя и продолжает поддерживать тесные отношения с П.Н. Савицким.

Третий период — с 1930 по 1939 гг. — распад движения и подведение итогов.

Евразийцы претендовали на многомерный охват проблем духа и бытия. В круг их интересов попадали многие историософские, культурологические, социолого-политические темы, тем не менее ключевым тезисом евразийского движения было положение об уникальности России как об особом мире, самобытном, самодостаточном с точки зрения и географии, и экономики, и культуры, и исторического развития, который они назвали Евразией, подчеркивая тем самым связь нашей страны и с Западом, и с Востоком, полагая, что влияние последнего недостаточно оценено и будущее России именно в союзе с Востоком.

Сам термин «Евразия» был введен еще А. Гумбольдтом, который обозначил им всю территорию Старого Света: и Европу, и Азию. Русский географ В.И. Ламанский в своих работах писал о необходимости выделять в землях Старого Света не два, а три материка: Европу, Азию и Евразию. Евразийцы по-своему уточнили, обострили и усилили эту тенденцию, так как деление на Европу (Запад) и Азию (Восток) представлялось евразийцам неточным. Под Европой они понимали Западную Европу, под Азией — Юг и Восток Азии, Китай, Индию. Евразия, по их мнению, — это континентальная равнинная часть Азии и Европы, объединяющая три равнины: восточноевропейскую («беломоро-кавказскую»), западносибирскую и туркестанскую. Это пространственное положение предопределяет создание на данной территории единого государства. «Русский мир евразийцы ощущают как мир особый и в географическом, и в лингвистическом, и в историческом, и в экономическом, и во многих других смыслах. Это «третий мир» Старого Света не составная часть ни Европы, ни Азии, но отличный от них и в то же время соразмерный. Подчеркнем только, что Россию-Евразию евразийцы воспринимают как „симфоническую личность“. Они утверждают непрерывность ее существования», — указывает П.Н. Савицкий [4. С. 99].

Географический детерминизм является одним из ключевых утверждений евразийства. Евразийцы полагали, что географическое положение в решающей степени определяет историю и культуру народа. Место, где происходит развитие народа, «месторазвитие», по терминологии П.Н. Савицкого, в значительной степени определяет смысл и направление этого развития. Нельзя отрывать историю и культуру от пространственных условий. Многообразие ландшафтов порождает многообразие культур, каждая из которых имеет свои внутренние циклы развития, свои модели развития и свои критерии оценки. Евразийцы утверждали, что отпечаток ландшафта лежит на истории каждой цивилизации и не может не учитываться. Мягкий климат Европы, ее небольшие размеры, ее ландшафты, в которых преобладают леса (Северная Европа) и побережья (Средиземноморье) породили европейскую цивилизацию; степи — кочевые цивилизации (от скифов до тюрков); пустыни — аравийскую (исламскую) цивилизацию; лессовые почвы — китайскую; островное высокогорье — японскую; слияние леса и степи — русско-евразийскую.

Концепция евразийцев, обосновывая срединное положение России-Евразии, полагает, что Россия — это континент в континенте. По мысли евразийцев, Россия, занимая положение между Европой и Азией, находится на путях пересечения двух колониционных течений, идущих с Запада и с Востока. Исторические границы Российской империи почти полностью совпадают с границами Евразии, что говорит о естественных границах и устойчивости данного территориально-государственного образования. Пространственная целостность Евразии обеспечивается ее географической спецификой: огромные размеры, тундра с севера и горная полоса с юга, реки, которые текут в меридиональном направлении, широкая степная полоса, соединяющая восток и запад, практически полное отсутствие выхода к морю, т.е. к морским торговым путям, «флагоподобное» расположение основных почвенно-ботанических и климатологических зон — все эти особенности подталкивают ее к тому, что она должна быть единым государством, экономически самодостаточным и отличным от других в своем развитии.

Степь, которая соединяет Россию с востока на запад, играла и играет ключевую роль в развитии страны. Россия не могла быть «речным» государством, так как всегда находилась бы под угрозой степи. Тот, кто владел степью, тот мог быть объединителем Евразии — и политическим, и культурным. Россия не могла быть и «океанической» державой, так как большинство ее областей далеко отстоит от моря, а моря эти являются или замерзаемыми, или «замкнутыми». Понимая ограниченность своего морского потенциала и компенсируя этот недостаток, Россия вынуждена была создавать автаркическое хозяйство, собственное производство, разделить территории на промышленные и сельскохозяйственные. П.Н. Савицкий называет это «континент-океан» и утверждает, что это тенденция последнего времени — создание огромных «государств-материки», объединяющих большие пространства и независимых экономически.

В программном документе «Евразийство. Опыт систематического изложения» об этом говорится так: «Представляя собой особую часть света, особый континент, Евразия характеризуется как некоторое замкнутое и типичное целое и с точки зрения климата, и с точки зрения других географических условий... Этим и величиной ее определяются и ее экономические возможности. Для Евразии исключительно активное участие в океаническом хозяйстве, характерном для Европы. Зато естественные богатства Евразии и их распределение открывают ей путь к экономическому самодовлению и превращают ее как бы в континент-океан. Единство этого континента-океана отличается весьма своеобразными чертами, которые соответствуют этническому типу евразийца и явственно сказались в истории Евразии» [3. С. 377].

По мнению евразийцев, только осознавая исключительные особенности своего географического положения, не копируя экономики других стран, а используя свою специфику, Россия может сохранить себя как государство, создав при этом самодостаточную, не зависящую от других экономику.

Историософская система взглядов евразийцев отличается от традиционного взгляда на русскую историю. Евразийцы были склонны видеть необратимый ха-

раक्टर логики исторического развития. Самый справедливый судья, по их мнению, — это исторический отбор, который сохраняет все сильное и жизнеспособное. В истории, таким образом, обязательны периоды разрушения старого мира и старой культуры, периоды своеобразной расчистки для построения новой государственности и культуры. Поэтому нет во взглядах евразийцев попыток осудить исторический процесс, особенно ближайший к ним всемирно-исторический период.

Русская история в евразийской концепции представляет собой постоянную борьбу «леса» и «степи». История эта была порой драматичной, центробежной и центростремительной, мирной и не мирной, разрушительной и созидательной. Так, по мысли евразийцев, начало русской истории и выделение славянско-русской народности — это период объединения «леса» и «степи», который длился до монгольского завоевания; татаро-монгольское нашествие — это, безусловно, победа «степи»; следующий период связан с победой «леса» и отвоеванием у монголо-татар Казани и Астрахани, покорением Сибири, а также захватом устья Дона и взятием Азова Петром I. Следующий период — это объединение «леса» и «степи» в экономическом смысле и расширение России до пределов Евразии.

Евразийцы считали, что единство национально-государственное не совпадает с культурно-материковым, поэтому сравнивать Россию-Евразию с любым из государств Европы неправомерно, и здесь аналогии уместны только с империями — Священной Римской, Карла Великого, империей Наполеона. При таком сравнении становятся ясны органичность и преимущества Евразии как национально-государственного объединения. Впервые это единство заявило о себе не в Киевской Руси, как это принято считать. Киевская Русь в евразийской трактовке была лишь «колыбелью будущего руководящего народа Евразии и местом, где родилось Русское Православие» [3. С. 381]. Впервые, по мнению евразийцев, евразийский культурный мир предстал как целое в империи Чингисхана. «Монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя» [3. С. 381].

Киевская Русь, как считали евразийцы, не могла заложить основы русского государства, она двигалась от расцвета к упадку, она делилась на мелкие княжества, которые не были жизнеспособными, и неизбежно должна была исчезнуть в удельном хаосе дробления. Евразийцы опровергали привычное мнение о том, что татары прервали развитие Руси и нанесли тяжкий урон ее культуре. Несмотря на безусловные минусы монголо-татарского нашествия, оно воспринималось народом Древней Руси как «Божие наказание» и побуждало к переоценке ценностей, готовило переворот в сознании людей. Реакцией на унижение национального самодобия был необыкновенный душевный и религиозный подъем, который сопровождался подъемом творческим: в иконописи, в церковно-музыкальной области, в религиозной литературе. В этот период началась идеализация и героизация русского прошлого, что особенно заметно в былинах, которые были отредактированы именно в те времена. Этот национально-религиозный подъем и подготовил впоследствии то, что принято называть «свержением татарского ига».

Евразийцы утверждали, что русские многое заимствовали у монголо-татар: систему административного управления, финансовую систему, почтовую связь, так как Русь была включена в систему монгольской государственности. Приобщение же к этой государственности не могло быть только внешним, был воспринят сам дух этой государственности, необходимо было только наполнить его русским содержанием. Что и было сделано. «Так совершилось чудо превращения монгольской государственной идеи в государственную идею православно-русскую», — отмечает в этой связи Н.С. Трубецкой [5. С. 227].

В нашем сознании чаще всего татаро-монгольское иго воспринимается как неизбежное и безусловное зло, однако евразийцы предлагали другой взгляд на русскую историю, и в «монгольском иге» усматривали и определенные положительные стороны: «Если „Монгольское иго“ способствовало отрыву русской земли от Европы... то с другой стороны, то же „монгольское иго“ поставило русскую землю в теснейшую связь со степным центром и азиатскими перифериями материка. Русская земля попала в систему мировой империи — империи монгольской», — утверждает евразиец Г.В. Вернадский [2. С. 255].

Ранее Русская земля имела культурную связь только с одной империей — Византийской, политическая гегемония которой была слаба, после монгольского завоевания Русь вошла в систему другой империи — Монгольской, лишь церковные отношения не являлись частью этой системы. Благодаря «монгольскому игу» Русь сумела сохранить православие, потому что монголы были относительно терпимы в отношении вероисповедания, сам Чингисхан, к примеру, исповедовал шаманизм, но отличался определенной веротерпимостью.

Особую роль в сохранении православия сыграл Александр Невский: формально подчинившись монголам, он сберег православную веру и культурно-национальную самобытность своего народа, выиграл время, чтобы его потомки, собравшись с силами, нанесли затем татаро-монголам решающий удар и освободили страну от иноземного ига. Это был глубоко продуманный политический ход. «Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке — имели одну цель: сохранения православия как нравственно-политической силы русского народа», — писал Г.В. Вернадский [1. С. 247]. И политика Александра Невского в нужное время продолжилась в политике Дмитрия Донского.

При этом после свержения татарского ига как такового было осуществлено распространение власти Москвы на значительные территории, которые ранее были подвластны Орде, т.е. произошла, по мнению Н.С. Трубецкого, «замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву» [5. С. 229]. Московское же государство, сохранившее ценой татарского ига православие и национально-культурную самобытность, стало преемником монголов. «Вырастая в национально-московское государство, собирая русские земли и становясь общерусским, Москва явилась новой объединительницей евразийского мира. Она направила его силы к истинному центру, к которому он бессознательно тянулся и который нашел в ней ясное идеологическое выражение и несомненное, т.е. рели-

гиозное, оправдание. Евразия стояла перед своим самораскрытием и перед своею исторической миссией» [З. С. 381].

Формально Российская империя продолжила дело московского государства, дело «государственного объединения евразийского материка и, отстояв его от посягательств Европы, создала сильные политические традиции», — полагали евразийцы [З. С. 381].

Однако русско-евразийская идея осталась тогда все же непонятой и неосознанной. Правящий слой страны настолько европеизировался, что Россия представлялась ему провинцией Европы, ее задворками. Национальная идея Москвы как наследницы Византии и оплота православия утратила свой истинный смысл, ей на смену пришла идея империи и империализма — рост территории и государственной и экономической мощи. Борьба с Востоком сменилась мирным продвижением на восток, и Российская империя оказалась союзницей своего вчерашнего врага — Европы. Прежняя граница между русской и азиатской культурой перестала ощущаться. Но, стремясь во что бы то ни стало догнать Европу, интеллигенция и правящие слои стали стесняться своего евразийского происхождения, и русско-евразийская идея, таким образом, тогда оказалась невостребованной.

Рассматривая далее евразийскую концепцию, выделим в ней ее философско-социокультурную проблематику. Именно географическая целостность Евразии является определенным гарантом ее культурного единства. Евразийская культура — особый феномен, так как она представляет собой и не европейскую культуру, и не азиатскую. С одной стороны, «Россия-Евразия» является продолжательницей традиций Византии, однако весомый вклад здесь вносит и культура «Великой степи». В религиозном плане здесь можно говорить о пограничных для «России-Евразии» рубежах: с одной стороны — мусульманства, с другой — католичества и протестантизма.

Территориальная и культурная обособленность предполагает и особый этнический тип, сближающийся в чем-то с азиатским, а в чем-то с европейским, но до конца не совпадающий и ни с тем, и ни с другим. «Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те, и другие), а русские» [З. С. 374].

Этническое единство становится заметным, считали евразийцы, когда анализируешь особенности быта, народное творчество и психологический уклад народов Евразии. «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма, ни механическое сочетание элементов той и другой. Она — совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатские. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии, как срединную, евразийскую культуру... мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго», — подчеркивалось в программном евразийском сборнике «Евразийство. Опыт систематического изложения» [З. С. 375].

Переходя непосредственно к рассмотрению социально-философских воззрений Н.С. Трубецкого, отметим, что русская культура и государственность рассматривались им не как часть культуры европейской или азиатской, а как уникальное явление, которое вобрало в себя и опыт Запада, и опыт Востока. Наличие и европейских, и азиатских элементов определяет особое положение России и ее неповторимый облик и судьбу. Об этом писал Н.С. Трубецкой в двух своих работах с красноречивыми названиями: «О туранском элементе в русской культуре» и «Общеславянский элемент в русской культуре».

К «туранским» народам Н.С. Трубецкой относил угро-финские народы, тюрков и монголов. Анализируя особенности их культуры, языка, психики, ученый приходит к выводу, что влияние «туранского» элемента на русскую культуру является ярко выраженным и безусловно положительным: «Туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству» [9. С. 155].

Говоря же о «славянском» элементе в русской культуре, Н.С. Трубецкой приходит к выводу, что единственный общеславянский элемент — это основывающийся на церковно-славянской литературно-языковой традиции русский литературный язык, что единая славянская культура и славянский характер — это миф. У славянских народов разные культурные традиции, разные психотипы, и единственное, что их объединяет, — это язык. «Славянство, — пишет Трубецкой, — не есть понятие этнопсихологическое, антропологическое, этнографическое или культурно-историческое, а понятие лингвистическое» [8. С. 206].

Русско-евразийская культура, впитав в себя и европейскую, и азиатскую традиции, создала особый культурный мир, самоценный и неповторимый. Россия-Евразия, по мысли ученого, это страна, которой приходилось наследовать традиции, возникшие в иных племенах и царствах, и сохранять эти традиции даже тогда, когда эти племена и царства исчезали с карты мира.

Таким образом, в трактовке Н.С. Трубецкого Евразия — это особый культурный мир, возглавляемый Россией, многообразный в своих проявлениях, вобравший в себя традиции Запада и Востока и претендующий на руководящую роль в мире.

Культура, по мнению мыслителя, не является случайной совокупностью различных элементов, культура — это органическое и специфическое единство, живой организм, который живет, развивается и умирает. В культуре всегда предполагается наличие субъекта, особой «симфонической личности», которая состоит из системы иерархически организованных личностей: класса, сословия, семьи, индивида, существующих одновременно, но генетически связанных с предшествующими поколениями. И в таком виде культура переживает определенные стадии своего развития, уникальные для каждой культуры, поэтому культура каждого народа самодостаточна и самоценна. Только вполне самобытная национальная культура является подлинной и отвечает интересам своего народа, его эстетическим, этическим и практическим требованиям. А значит, стремление к общечело-

веческой культуре вне самобытной самоценной национальной культуры является несостоятельным.

Несостоятельным, по мысли Н.С. Трубецкого, является и такое заимствование чужой культуры, которое приводит к деформации культуры собственной, поэтому полное приобщение одного народа к культуре и духовным ценностям другого народа невозможно без антропологического смешения и фактического слияния обоих народов между собой, потому что во всяком ином случае один народ будет всегда находиться в зависимом положении от другого, а значит, полное приобщение к иной культуре невозможно и является злом, так как последствия для принимающей культуры будут катастрофичны.

Легко предположить, что между индивидуальным и национальным самопознанием существует внутренняя связь и постоянное взаимодействие. И каждый человек познает себя через культуру собственного народа, потому что она наиболее ярко воплощает в себе те элементы психологии, которые свойственны именно этому народу. Поэтому у каждого народа должна быть своя, уникальная, самобытная культура. «Общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна. При пестром многообразии национальных характеров и психических типов такая „общечеловеческая“ культура свелась бы к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязала бы всем народам формы жизни, вытекающие из национального характера какой-нибудь одной этнографической особи. И в том и в другом случае эта „общечеловеческая“ культура не отвечала бы требованиям, поставленным всякой подлинной культуре», — отмечает Н.С. Трубецкой [7. С. 120].

Учение о государстве, в разработке которого принимал активное участие Н.С. Трубецкой, является одним из важнейших в евразийской концепции, провозглашающей идею сильной власти и сильного государства, представляющего интересы народа и сохраняющего с ним живую связь. Новое государство, «государство правды», должно сочетать в себе закон с нормами нравственности и совести. Роль государства в общественной жизни идеализируется и абсолютизируется, оно охватывает все сферы жизни, включая частную.

Новому государству необходима новая идеология, которая будет связана с конкретной жизнью тесной органической связью, она универсальна, симфонична и соборна: «Жизнь рождает идеологию, что не умаляет идеологии, ибо жизнь и есть конкретность идеи» [3. С. 354]. Основой такого государства, его путеводной нитью должна стать «идея-правительница». Стоит отметить, что в целом евразийское учение об идее-правительнице и идеократии в своей основе и сущности было разработано именно Н.С. Трубецким.

«Идея-правительница» должна быть такова, что ей стоит служить и ради нее стоит жертвовать собой. «Идея-правительница» становится сущностью власти, ее структурирующим моментом, ей же принадлежит роль архетипа данной культуры, который определяет ее развитие, соединяя этнические, географические, исторические и психологические компоненты. «Идея-правительница» — это не ра-

циональная идея, она не может быть осознана разумом до конца, она переживается, но не всегда осознается. Это источник культурной деятельности, в основе которого лежит духовное самосознание нации и реальная деятельность правящего слоя.

По мнению евразийцев, необходима такая идеология, которая воодушевляла бы пафосом вечного, абсолютно ценного, т.е. была бы абсолютно обоснованной в своих истоках. И такую истинную идеологию евразийцы находят в Православии. Идеология, по мысли евразийцев, не инструмент власти, а сама власть, которая состоит из двух компонентов: правящий слой и «идея-правительница». «Идея-правительница» — суть новой власти, ее направляющая основа, правящий слой — социальная почва.

В этой связи Н.С. Трубецкой писал: «Идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою идею-правительницу (носителем которой является объединенный в одну-единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой) и в силу этого непременно должно само активно организовывать все стороны жизни и руководить ими. Оно не может допустить вмешательства каких-либо не подчиненных ему, неподконтрольных и безответственных факторов — прежде всего частного капитала — в свою политическую, хозяйственную и культурную жизнь и потому неизбежно является до известной степени социалистическим» [6. С. 438].

Можно особо отметить, что воззрения Н.С. Трубецкого и евразийского движения в целом продолжают оставаться актуальными и сейчас, в начале XXI в., и требуют самого внимательного изучения и осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сборник трудов евразийцев. — М.: Беловодье, 1997.
- [2] Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. — М.: Беловодье, 1997.
- [3] Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. — М.: Русская книга, 1992.
- [4] Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П.Н. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997.
- [5] Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995.
- [6] Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995.
- [7] Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995.
- [8] Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995.
- [9] Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995.

**SOCIAL AND PHILOSOPHICAL VIEWS
OF N.S. TRUBETZKOY IN THE FRAMEWORK
OF EURASIANISM**

E.I. Zamaraeva

The All-Russian State Tax Academy
of the Ministry of Finances of the Russian Federation
Chetvertyi Veshnyakovskii proezd, 4, Moscow, Russia, 109456

The article deals with socio-philosophical, historiosophical and socio-cultural ideas developed by the prominent Russian scholar N.S. Trubetzkoj in the framework of Eurasianism — the philosophical and socio-political movement of the first wave of Russian emigration.

Key words: Eurasianism, geographical determinism, civilization, cultural diversity.